

ЛЮДИ И ДЕЛЬФИНЫ: КОЕ-ЧТО ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЗМЕ В ОБЛАСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

© 2017

Т.И. Уайт

В последние десятилетия ученые проявляли повышенный интерес к когнитивным и эмоциональным способностям не-людей, а у философов аналогичный интерес вызывали этические следствия, вытекающие из открытий естественных наук¹. Если некоторые не-люди способны думать и чувствовать, то как это должно отразиться на “правах животных”? Правильно ли использовать таких не-людей в качестве пищи? Можно ли использовать их в качестве подопытных для проведения медицинских исследований и экспериментов? Можно ли охотиться на них из спортивного интереса? Могут ли они служить для нашего развлечения? Особенно актуален вопрос этической допустимости контакта человека и дельфина. Каждый год в Японии тысячи дельфинов погибают в результате т.н. “загонной охоты”. Несмотря на существование маркировки “dolphin safe tuna” — “тунец, при ловле которого не пострадали дельфины”, — каждый год мировая рыболовецкая индустрия убивает сотни тысяч китообразных. Еще большее их количество, не поддающееся исчислению, страдает от шумов в океане и военных учений; многие из-за этого глохнут или гибнут. Сотни содержатся в неволе в развлекательных, исследовательских, терапевтических и военных целях. С учетом наших знаний о сложных когнитивных и эмоциональных способностях этих китообразных имеют ли они право на моральный статус? Оправдано ли с точки зрения морали то, как мы обращаемся с дельфинами?

То, что подобные спорные практики неэтичны, я доказывал в других своих работах². В настоящей статье я хотел бы расширить рамки дискуссии об этическом характере взаимодействия людей и дельфинов, показав, что неэтичный характер этих действий не столь очевиден для специалистов по этике во многом из-за постоянного влияния непреднамеренного видового шовинизма на обсуждение ключевых вопросов.

Мы слишком хорошо знаем, что в прошлом якобы объективные исследования бывали окрашены расизмом и сексизмом.

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

Уайт Томас И. — профессор деловой этики в Фонде Конрада Хилтона, директор Центра по вопросам этики и бизнеса при Университете Лойола Мэримаунт в Лос-Анджелесе (Калифорния, США), автор шести книг. E-mail: twhite@indefenseofdolphins.com

Перевод статьи осуществлен по: *White Th. I. Humans and Dolphins: an Essay on Anthropocentrism in Applied Environmental Ethics*. URL: <http://indefenseofdolphins.com/wp-content/uploads/2013/07/JAETW.pdf>. Более ранняя версия этой статьи была опубликована под названием: *Menschen und Delfine: Ein Versuch über Anthropozentrismus in der angewandten Umweltethik // Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2004. Bd. 52, h. 4. S. 603–616.

¹ Несомненный пионер в этой области — Дональд Гриффин [7; 8; 9]. Чтобы ознакомиться с более поздними рабо-

тами, см., например, [1; 2]. Существует обширная философская литература о правах животных, начиная с работ П. Сингера [34] (1975) и Т. Ригана [29]. Более поздние работы принадлежат П. Кавальери [3], П. Сингеру [18], Марте Нуссбаум [26], М. Роулэндсу [33], Т.Л. Бошану и Р.Г. Фрей [37].

² См., напр. [38].

³ Некоторая степень антропоцентризма, вероятно, неизбежна в том смысле, что механизмы, с помощью которых мы воспринимаем и обрабатываем информацию, являются “человеческими”. Человеческое тело имеет, как можно выразиться, конкретные “технические характеристики”, которые влияют на характер нашего восприятия и мыслительные процессы. В терминах Канта, мы никогда не узнаем “вещь в себе”, а только “вещь как она кажется”. Однако существует тип антропоцентризма, основанный на иррациональной ошибке, которой можно избежать, — это и составляет тему данной статьи. Я имею в виду нечто аналогичное “расизму” и “сексизму” (мировоззрениям, в основе которых лежат предрассудки, интерпретирующие факты через призму веры во врожденное превосходство какой-то одной группы над всеми остальными), основанное на предвзятой идее, что только люди могут обладать когнитивными и эмоциональными способностями.

Наука и философия использовались для того, чтобы “обоснованно” отказывать людям в том обращении, которого они заслуживали. С увеличением объема информации, заставляющей предполагать, что люди — не единственные думающие и чувствующие существа на планете, наш вид сталкивается с необходимостью выработать межвидовую этику, свободную от антропоцентризма. Тем не менее, проблему того, обладают ли не-люди “моральным статусом”, часто связывают с вопросом, демонстрируют ли эти существа сложные познавательные и эмоциональные способности. Таким образом, важнейшая задача этических исследований — избежать ловушки утверждения, что другие существа обладают моральным статусом лишь в той степени, в которой они являются “такими же, как мы”. То есть, утверждения о том, что не-люди обладают более развитыми когнитивными и эмоциональными способностями, только если они проявляют их таким же образом, как и люди³. В данном очерке я покажу, почему философы часто не справлялись с этой задачей.

Я укажу на недостатки традиционного подхода при обсуждении вопроса о том, обладают ли дельфины моральным статусом. Я продемонстрирую, что обсуждение познавательных способностей дельфинов С. Уайзом и А. Макинтайром носит неосознанный, но в основном антропоцентричный характер, т.к. авторы, по большей части, недостаточно знакомы с естественнонаучной литературой о дельфинах, чтобы делать свои выводы.

Значение этого вопроса не следует недооценивать. Специалисты по этике, обсуждающие проблемы, связанные с не-людьми, как правило, базируют свои позиции на метафизических и эпистемологических предположениях научных исследований по рассматриваемым видам. Когнитивные и эмоциональные способности горилл, например, вызывают непосредственный вопрос об их этической защите и использования этих приматов в медицинских экспериментах в фармацевтической промышленности. Любой специалист, занимающийся прикладной этикой, не освоивший естественнонаучного базиса, связанного с изучаемыми видами, строит свою аргументацию на зыбкой почве. Что еще хуже, в конечном итоге этот специалист может начать оправдывать неэтичные практики.

Изучение не-людей и опасность антропоцентризма

Одна из фундаментальных проблем при обсуждении этических вопросов, связанных с не-людьми, — избегание антропоцентризма. Каким образом мы можем определить критерии конкретного признака или черты таким образом, чтобы выбор не предопределял, что только люди будут в состоянии демонстрировать эту черту или способность? Каким образом подойти к этому вопросу так, чтобы исследование было нейтрально к видовой принадлежности? Проблему можно точно проиллюстрировать замечанием, которое однажды сделал океанограф Л. Гер-

ман из Гавайского университета, защищая использование ряда своих терминов для описания лингвистических способностей дельфинов⁴. “Некоторые авторы полагают, что вы должны использовать термин, [описывающий лингвистические способности], только если можете доказать, что животное проявляет описываемую этим термином способность во всех отношениях так же, как это делает человек. Очевидно, что это излишне строгое условие. Дельфин, например, может считать, что люди не обнаруживают умения плавать, если мы не продемонстрируем все то, что умеет делать дельфин: прыгать из воды на высоту пять метров, оставаться под водой пятнадцать минут, развивать скорость в тридцать пять километров в час и так далее” [11, с. 86].

Наблюдение Германа должно нас отрезвить. Если мы будем исходить из того, что стандарт “плавания” — это движение дельфинов в воде, то показатели лучших пловцов-людей и близко не подойдут к этим стандартам. И все же мы никогда не утверждали бы, что это означает, будто “люди не умеют плавать”. Другими словами, когда мы определяем критерии проявления сложных способностей, важно понимать, насколько иначе вещи могут выглядеть с точки зрения других видов. Это непросто делать при обсуждении способностей других приматов, с которыми у нас так много общего, и гораздо сложнее, когда мы говорим о китообразных. В любом исследовании когнитивных способностей дельфинов важно признавать значение существенных различий в среде обитания, в которой эволюционировали люди и дельфины. Но именно это обычно не учитывают при обсуждении.

Центральная роль “языка” как фактор антропоцентризма

Философы часто рассуждают о том, обладают ли дельфины моральным статусом и можно ли оправдать отношение к ним со стороны рыболовецкой отрасли и индустрии развлечений. При чем их рассуждения, фактически, на человеческий лад воспроизводят ту ошибку, о которой предупреждает нас “пловцовый” комментарий Л. Германа: люди устанавливают планку очень высоко именно там, где, с точки зрения когнитивных признаков, наш вид существенно превосходит другие. Это, в частности, касается языка. Например, “интеллект” (и, косвенно, моральный статус) определяется почти исключительно в плане наличия у дельфинов эквивалента человеческого языка. Тем не менее, есть веские основания полагать, что “интеллект” у разных видов различается так сильно, что требует “специфических” определений⁵. Кроме того, отсутствие у дельфинов эквивалента человеческого языка не обязательно означает, что у них нет сложных когнитивных способностей. К сожалению, даже те, кто сознательно стремится избегать антропоцентризма, совершают серьезные ошибки в оценке когнитивных способностей дельфинов, уделяя так много внимания лингвистическим способностям.

⁴ Герман провел глубокое исследование способностей двух афалин, содержащихся в неволе, чтобы лучше понять создаваемые людьми искусственные языки. См, напр.: [11; 12; 13; 14; 15; 19].

⁵ Океанолог Д. Райсс относится к дельфинам как к представителям “инопланетного разума” и отмечает: “Дельфин — это превосходный образец, помогающий нам сформулировать способы описания и понимания интеллекта у нечеловеческих видов” [30, p. 32; 168–189].

К примеру С. Уайз — это пионер в постановке вопроса о правах животных. В течение многих лет он добивался через суды расширения правового понятия личности на не-человеческих животных [40; 41]. Он остро воспринимает проблему видового шовинизма и даже признает, что “мы не должны считать человеческий интеллект единственным интеллектом” [40, р. 45]. Тем не менее, у Уайза обсуждение вопроса о дельфинах сосредоточено почти исключительно на их *лингвистических* способностях [40, р. 131–158]. Кроме того, на шкале “практической автономии”, которую Уайз разработал, чтобы показать, в какой именно степени некоторые не-люди заслуживают правового признания, дельфины занимают место ниже бонобо, горилл и орангутангов [Ibid., р. 241]. Объяснения Уайза относительно более высокого уровня «умственных способностей» приматов строятся на исследованиях обезьян, описанных в научной литературе, которую он изучил: Чантека (орангутанга), Коко (гориллы) и Канзи (бонобо). В их основе, в первую очередь, лежит детализация того, насколько хорошо эти три примата решали *человеческие* задачи (тесты на оценку человеческого интеллекта, задания, связанные с оценкой развития человеческих детей, умением использовать элементы человеческого языка и т.д.). Иными словами, приматы оцениваются выше, чем дельфины (и обладают большими правами на получение “прав”) потому, что они *больше похожи на нас*, что, учитывая наше биологическое родство, не удивительно.

Более серьезную ошибку подобного рода совершает Макинтайр, выдающийся ученый, один из немногих исследующих философские следствия, вытекающие из когнитивных способностей дельфинов. Как и в случае с Уайзом, у работ Макинтайра многообещающее начало. Он открыто отвергает идею о том, что не-люди не способны к мыслям и убеждениям, т.к. у них нет языка⁶. Но хотя Макинтайр и признает, что дельфины обладают различными впечатляющими познавательными способностями, в своей оценке их интеллекта он, тем не менее, акцентирует внимание именно на том, что им не хватает человеческого языка⁷. Затем

⁶ Он характеризует эту позицию следующим образом: “Обычно аргументация выглядит примерно так. Объектом исследования становится какая-то конкретная человеческая особенность: способность мыслить, иметь убеждения, способность действовать по определенным причинам или способность формировать и использовать понятия. Затем демонстрируется, что, вопреки мнению некоторых философов-предшественников, наличие данной способности у человека неразрывно связано с использованием языка. И, наконец, далее делается вывод, что, поскольку не-человеческие животные не обладают языком, или, по крайней мере, необходимым видом языка, — у них не должно быть рассматриваемой способности или возможности. Таким образом многократно доказывалось, что не-человеческие животные не могут иметь мыслей, у них не может быть убеждений, их действия не основываются на причинах, а в процессе столкновения с объектами их опыта у них не формируется никаких понятий” [21, р. 13; 29–41].

⁷ «Рассмотрим теперь полный спектр способностей, которые зачастую приписывали дельфинам те, у кого было больше возможностей взаимодействовать с ними: не только способности восприятия, перцепционного внимания, узнавания, идентификации и реидентификации, но и наличие и проявление желаний и эмоций, способность принимать решения, намерения сделать что-либо, направления их действий в отношении какой-либо цели, которая является их определенным благом и, таким образом, наличие субъективных причин действовать именно тем образом, которым они действуют. Но если мы вправе приписывать все это, мы, возможно, можем приписать дельфинам также мысли и убеждения. Было бы трудно избежать дальнейшего вывода о том, что дельфины обладают некоторыми концептами и знают, как их применять. Именно в этот момент мы сталкиваемся с целым рядом философских аргументов, выводом из которых является отрицание того, что животные, не владеющие языком, не могут иметь мыслей, убеждений, причин для действий или концептов. Тем не менее, прежде чем мы сможем рассмотреть, что стоит за каждым конкретным аргументом, интерпретирующим поведение дельфинов и других животных, мы должны сначала спросить, что имели в виду их авторы или что они подразумевают под “языком»” [Ibid., р. 27].

Макинтайр попадает в ловушку антропоцентризма и пишет: “Но, хотя [исследование Луи Германа], несомненно, достижение, очень важное для оценки коммуникативных и лингвистических способностей дельфинов, значение его могло бы проистекать только из детального сравнении с тем, что получают *человеческие* дети с их режимом усвоения языка” (курсив мой) [21, р. 28].

Макинтайр признает, что дельфины и люди обладают “до-лингвистической” способностью различения между истинным и ложным [Ibid., р. 37]. Однако, по его утверждению, факт отсутствия языка у дельфинов означает, что они не могут иметь самые развитые когнитивные характеристики, которыми обладают люди. Ключевым моментом здесь являются три способности, которые Макинтайр определяет как черты того, что он называет “независимыми практическими мотивами действий”: способность действовать по иным причинам, нежели одно только удовлетворение текущих потребностей и желаний; способность представлять будущее; а также способность оценивать причины своих действий [Ibid., Chapt. 6–8].

Свою позицию Макинтайр кратко формулирует следующим образом: “Прежде всего, я отметил, что различия между основаниями для действий у людей, с одной стороны, и у дельфинов или горилл, с другой — состоят, в числе прочего, в том, что мы можем оценивать свои основания как более веские или менее веские. Затем я составил список некоторых черт, которые необходимы тем, кто, используя эту способность, действительно овладел практическим мышлением: способность отделять себя от своих непосредственных желаний; способность представлять альтернативные реалистичные варианты будущего; предрасположенность к распознаванию ситуации и принятию верных практических решений в отношении разных благ” [Ibid., , р. 96]. Другими словами, Макинтайр имеет в виду три способности, которые есть у нормальных взрослых людей, но отсутствуют, например, у кошек и собак: мы совершаем поступки, в основе которых лежит не только получение физического удовольствия; мы осознаем, что некоторые причины, побуждающие нас совершать те или иные поступки, являются более вескими, чем другие, и выбираем свои действия соответствующим образом; мы также прогнозируем последствия наших действий. Например, мы решаем пожертвовать деньги на благое дело, потому что это поможет другим людям жить лучше в будущем (а не потому, что благодаря этому мы будем хорошо выглядеть в глазах других людей или же просто будем лучше себя чувствовать от этого).

Макинтайр, однако, совершает ряд ошибок, когда утверждает, что дельфины не обладают этими способностями.

Во-первых, аргумент Макинтайра продолжает основываться на сомнительном (и, можно утверждать, “антропоцентричном”) убеждении, что, если мы не можем наблюдать, как дельфины осуществляют эту деятельность различимым для нас образом, как это делают люди, пользуясь языком, то, значит, у дельфинов просто нет соответствующих способностей.

Во-вторых, Макинтайр делает выводы без достаточных знаний о возможностях дельфинов. Вне зависимости от того, обладают ли дельфины языком, существуют основания полагать, что у них есть все три способности, на которые ссылается Макинтайр. Вот лишь несколько кратких примеров.

- С 1980-х годов популяция диких пятнистых атлантических дельфинов вступала в контакт с людьми в районе Багамских островов. Мотивом, было, по-видимому, любопытство по отношению к другому разумному виду, что приводит к мысли, что они способны руководствоваться мотивами, никак не связанными с повседневной физической или общественной жизнью их вида [17]. Более прозаично выглядит приводимое Б. Вурсигом описание одной практики кормления, засвидетельствовавшее способность группы дельфинов отказываться от немедленного вознаграждения в пользу стратегии, вознаграждающей за терпение и сотрудничество⁸.

- Исследования Дж. Гори, С. Кучая и Р. Темз показали, что дельфины способны представлять будущее [6; 20]. Изучавшиеся дельфины были в состоянии “принять новое и адекватное решение прежде, чем приступили к его исполнению” [6].

- Понятно, что мы не в состоянии установить мотивы действий дельфинов, но кажется, что дельфины способны выбирать действия под влиянием тех или иных причин. Они могут действовать, исходя из своих собственных интересов (когда едят). Они могут действовать в интересах своей стаи или коалиции (если они — участники определенного кооперативного поведения). Они могут действовать, чтобы помогать не только другим дельфинам, но и людям (когда действуют, заботясь о других). Они даже, по-видимому, в состоянии действовать из любопытства (когда ищут контакта с людьми). На основе поведения дельфинов представляется разумным предположить: те способности, о которых говорит Макинтайр, у них, похоже,

⁸ Бернд Вурсиг приводит яркий пример сложного совместного кормления тусклых дельфинов в районе площадью от 10 до 20 квадратных километров (ок. 6–12 квадратных миль) в Южной Атлантике. В этом районе обитают до 30 небольших групп, состоящих из 6–15 дельфинов. Когда группа находит косяк анчоусов, она начинает пасти его, заставляя косяк принять форму шара близко к поверхности воды и, видимо, посылает сигналы другим группам дельфинов. В конечном итоге, в процессе кормления могли принять участие до 300 дельфинов, которые согласовывали свои действия. Вурсиг пишет: “Очевидно, что сотрудничество дельфинов усиливалось в процессе того, как они собирались в стаю и кормились. Дельфины, по всей видимости, наблюдали очередь для того, чтобы проходить сквозь косяк и поест, в то время как другие следили за тем, чтобы косяк оставался достаточно плотным. Я уверяю, что если бы добычу хорошо не охраняли, и если бы все дельфины бросились ловить рыб, косяк бы рассеялся и каждый дельфин получил бы меньше еды, в отличие от того, что происходило, когда они действовали скоординированно. Такое сотрудничество требует коммуникации высокого уровня, чтобы отдельные дельфины не могли невольно или намеренно воспользоваться ситуацией ненадлежащим образом и попытаться поймать больше рыбы и потратить меньше времени на работу с косяком, чем другие. Вполне вероятно, что дельфины знают друг друга достаточно хорошо, чтобы контролировать ситуацию. Загонка косяка и его преследование не являются стереотипной последовательностью действий. Иногда большой косяк рыбы может распадаться на более мелкие. Когда это происходит, некоторые из дельфинов отделяются от группы и загоняют рыбу обратно в главный косяк. Это динамичная, постоянно меняющаяся система, которая может потребовать организации от этих социальных общительных животных, обладающих большим мозгом. Дифференцирование ролей и преднамеренность (например, принятие решения о том, что некоторые члены группы должны выполнять определенные действия, реагируя на различные непредвиденные обстоятельства) может играть важную роль в такого рода сотрудничестве. Очевидно, что степень поведенческой гибкости, необходимая, чтобы справиться с новыми ситуациями, должна быть достаточно велика” [42, р. 5–6].

Стоит также отметить, что для того, чтобы не дать анчоусам рассеяться и бежать, тусклые дельфины должны побороть свое желание проплыть сквозь косяк и поймать рыбу прежде, чем косяк станет достаточно плотным; они также по очереди должны поддерживать форму косяка, пока их товарищи кормятся.

присутствуют. (Макинтайр, кажется, просто имеет в виду способности более развитые, чем те, что демонстрируют человеческие дети. Он пишет: “Первый шаг в этом переходе [к рациональности] происходит, когда ребенок становится способен воспринять предположение, что благо, к достижению которого он в настоящее время стремится под воздействием своей животной природы, стоит ниже другого, альтернативного блага, и что это последнее — более правильная причина для действия, чем то благо, на которое ребенок первоначально был нацелен” [21, р. 56]. Простой пример: мы начинаем понимать, что есть более веские причины для достойного обращения с другими людьми, чем то, что иначе нас могут наказать. Я считаю, что проявление дельфинами заботы о других, не влекущей за собой непосредственную награду, свидетельствует, что дельфины действуют по более достойным мотивам, чем человеческие дети, которые исходят из личного интереса.)

В-третьих, Макинтайр усложняет эти вопросы, делая ряд утверждений, которые либо маловероятны, либо, что очень вероятно, ложны, — факт, который еще сильнее подрывает его аргументацию.

- Например, Макинтайр утверждает: “Дельфинам не приходится проходить этап, в ходе которого они отделяют себя от своих желаний, как это делают люди, — разделение, которое включает в себя распознавание благ, отличных от удовлетворения телесных потребностей” [Ibid., р. 68]. Тем не менее, дельфины часто стремятся удовлетворить иные потребности, отличные от “телесных” (например, любопытство), так что можно предположить, что они тоже проходят через этот этап. (Макинтайр также предполагает без каких-либо оснований, что мозг человека и мозг дельфина проходит в своем развитии через одни и те же стадии. Однако, как показывают исследования мозга китообразных, мозг приматов, живущих на суше, и мозг дельфинов, обитающих в водной среде, прошли существенно разные пути эволюции⁹.)

Макинтайр также пишет: “Забота о других, которую демонстрируют дельфины, играет решающую роль в совместном поддержании их жизни. Однако этот элемент ускользает от их сознания, так как они не способны оглянуться в младенчество или заглянуть в старость и смерть, как это делают люди. (...) Но люди, в отличие от дельфинов, способны понимать свою животную природу во времени — от зачатия до смерти, а вместе с ней — свои потребности на различных жизненных этапах прошлого и настоящего в заботе со стороны других, то есть, сознают, что те, о ком сегодня позаботились, будут время от времени призваны сами проявлять заботу о других, а те, кто такую заботу проявляют, сами временами будут нуждаться в чужой помощи” [21, р. 82–83]. Но мы не можем утверждать, что у дельфинов нет подобного понимания. Более того, следующие факты в их сочетании позволяют предполо-

⁹ См., напр.: [22].

¹⁰ О долговременных отношениях и чувстве скорби пишет, напр., Макинтайр [ibid., р. 16; 17].

¹¹ Доводы Макинтайра, в конечном итоге, ничего не доказывают в том, что касается познавательных способностей дельфинов.

По сути, я понимаю аргумент Макинтайра следующим образом: *Существо обладает характеристиками "независимого носителя практического мышления"*

только при наличии у него языка — (Если L ["language" — язык], то T ["traits" — характеристики]). Макинтайр утверждает, что у дельфинов нет этих черт (не-T), и он приходит к выводу, что у дельфинов, таким образом, также нет языка (не-L). Тем не менее, я полагаю, что мне удалось показать, что Макинтайр не прав, отказывая дельфинам в этих характеристиках.

Следовательно, его вывод неоправдан. Также, учитывая структуру аргументов Макинтайра, наличие этих черт (T) не позволяет нам сделать вывод о лингвистических способностях (L).

¹² Например, Г. Гарднер определяет интеллект как "биопсихологический потенциал для обработки информации, который может быть активирован в культурной среде, чтобы решать проблемы или создавать продукты, имеющие значение в культуре", и это может служить, по крайней мере, разумной отправной точкой в обсуждении познавательных способностей дельфинов [5, p. 33–34].

жить, что дельфины им обладают: у дельфинов значительный объем памяти; они вступают в долгосрочные отношения; иногда создается впечатление, что они горюют после смерти со-родичей¹⁰.

• Комментируя утверждение, что мы не всегда можем полагаться на других в том, чтобы уберечься от вреда или даже на то, что те не станут причинять нам вред, Макинтайр замечает: "У дельфинов нет причин опасаться других дельфинов, тогда, как у людей есть основания опасаться других людей" [ibid., p. 97]. Но эпизодическая агрессия со стороны членов популяции афалин по отношению к атлантическим пятнистым дельфинам в районе Багамских островов служит одним из примеров, явно доказывающих обратное [17, p. 124].

Похоже, Макинтайр представляет собой классический пример непреднамеренного антропоцентризма. Он настолько сильно погружен в то, что демонстрируют люди, в то, что у нас есть определенные когнитивные способности, в то, как мы используем язык, что считает отсутствие аналогичного, узнаваемого языкового поведения у дельфинов убедительным доказательством того, что у этих китообразных отсутствуют рассматриваемые способности¹¹. Его ошибка усугубляется тем, что он основывает свои утверждения на недостаточном знании естественнонаучной литературы о дельфинах.

Проблема с языком

Моя критика философов, подобных Уайзу и Макинтайру, может показаться несправедливой. Разве не разумно думать о "языке" просто как об инструменте, который любое существо, обладающее мыслями и убеждениями, будет использовать для выражения мыслей, работы с идеями и в попытках сообщить эти мысли и убеждения другим разумным существам? И если мы не видим каких-либо доказательств существования такого рода инструмента, не разумно ли будет сделать вывод, что у подобного существа нет такого сложного внутреннего мира, какой, по убеждению большинства людей, необходим, чтобы признать за существом моральный статус?

Рудиментарное определение понятия "интеллект" может применяться для разных видов¹². Почему мы не можем думать о языке как только об одной из граней высшего интеллекта — основном инструменте, который используется при получении информации и работе с ней? Почему я утверждаю, что настаивать на том, что дельфины (или любые другие не-человеческие виды) должны продемонстрировать, по крайней мере, элементарные лингвистические способности, прежде чем они станут кандидатами на получение морального статуса, — это антропоцентризм?

Основная проблема с приданием языку столь важного значения заключается в том, что "интеллект", вероятно, лучше воспринимается как *видоспецифический* признак. Иными словами,

существуют веские основания допустить, что виды с крупным мозгом, которые эволюционировали в сильно различающихся условиях, адаптировались к этим условиям совершенно по-разному как внешне, так и внутренне.

Язык — не какая-то магия или божественный дар. Язык (в форме, в которой мы его используем) — это человеческий инструмент биологической адаптации. Язык возник и развивался потому, что был нужен нашим предкам, чтобы справляться с проблемами в их среде обитания. Тем не менее, язык, по крайней мере, в том виде, в котором он развивался у людей, может и не быть полезным для каждого набора эволюционных условий. Если у дельфинов нет языка, вполне вероятно, что это произошло потому, что в океане он не является полезным инструментом, а не потому, что дельфинам не хватает интеллектуального потенциала для его развития, если бы он был полезным.

Адаптивный характер языка у людей

Часть проблемы заключается в том, что люди, как правило, не в полной мере понимают, для чего мы используем язык. Распространено мнение, что язык — это инструмент, разработанный для того, чтобы люди могли использовать рациональное мышление при решении проблем, которые на протяжении веков ставила перед нами среда обитания. Язык позволил нам развивать науку, медицину, юриспруденцию и другие достижения, которые являются частью человеческой цивилизации. Язык позволяет нам раскрывать тайны Вселенной, чтобы открыть Истину. Согласно этой точке зрения, язык обладает, в первую очередь, “обозначающей” функцией, т.е. рассматривается, как утверждал Ч. Тейлор, “в качестве инструмента контроля при получении знаний о мире как объективном процессе” [35, р. 226].

Хотя нет никаких сомнений в том, что мы смогли многого добиться благодаря таким функциям языка, как обозначение и представление, существуют и несколько вариантов альтернативного понимания языка, которые заслуживают рассмотрения.

Например, Тейлор выделяет “экспрессивную” функцию языка, помещающую язык в социальный контекст, в котором он используется. Вслед за Гумбольдтом, Тейлор называет это “пониманием языка в качестве энергии, а не только эргона” [35, р. 256]. С этой точки зрения, как показывает Тейлор в “Теории значения” [36], язык задает не только какие-то измерения человеческого “Я”, но и социальные отношения.

И приматолог Р. Данбар предлагает интерпретацию языка, вполне согласующуюся с точкой зрения Тейлора. Данбар утверждает, что язык эволюционировал, в первую очередь, как наш способ наладить жизнь в группах. Данбар выдвинул способный вызвать немало возражений тезис, что язык эволюционировал у людей “в качестве своего рода звукового груминга, позволявшего связывать большие группы, чем это было возможно с использова-

нием обычного механизма груминга у приматов” (с. 78). Если вкратце, то он утверждает, что “язык эволюционировал, чтобы позволить нам сплетничать” — по мнению Данбара, сегодня мы примерно на 60% используем язык именно для этого [4, р. 79].

Дельфины также высоко социальны, и, как я утверждаю в других работах, они, вероятно, используют свой большой мозг в основном как инструмент социального интеллекта, то есть для того, чтобы управлять своими отношениями. Тем не менее, исходя из теории Данбара, если дельфины нашли лингвистические способы построения социального единства, эволюционная потребность в разработке чего-либо аналогичного человеческому языку у них будет гораздо меньше. Несомненно, у дельфинов есть свои способы укрепления отношений и социального единства [38, chapт. 5].

Язык и рука

Идея о том, что у дельфинов нет языка, потому что их предки не испытывали эволюционного давления к развитию подобной адаптации, приводит нас к еще одному основанию утверждать, что требование о наличии эквивалента человеческого языка как необходимого условия более высокого уровня интеллекта (и морального статуса) носит антропоцентрический характер. Это основание — взаимосвязь между человеческим языком и человеческой рукой.

Одно из наиболее интересных обоснований идеи о том, что “интеллект” означает не абсолютно одно и то же, когда мы говорим о людях и о дельфинах, исходит из необычного источника, вытекает из косвенных выводов врача о взаимосвязи между мозгом и руками. Ф. Уилсон, невропатолог, который специализировался на реабилитации травм рук, заинтересовался палеоантропологией — изучением ранних стадий происхождения человека и выдвинул захватывающую теорию о взаимосвязи человеческой руки и мозга. Уилсон утверждает, что характер человеческого интеллекта и, в частности, человеческого языка во многом является функцией того, что Уилсон называет “логикой руки”. Уилсон утверждает, что рука и мозг совместно эволюционировали: развитие первой влекло за собой развитие второго¹³. “Любая теория человеческого интеллекта, которая игнорирует взаимозависимость руки и функции мозга, или историческое влияние этих отношений, или воздействие этой истории на динамику развития современных людей, весьма обманчива и бесплодна” [39, р. 7].

Если Уилсон прав, еще одной причиной того, что у дельфинов нет какого-либо аналога человеческого языка, служит то, что у них нет рук. Это дает нам еще больше оснований воздерживаться от мыслей о языке (в том смысле, в каком люди конструируют, используют и понимают его) в качестве черты, которую можно считать универсальным критерием наличия интеллекта более высокого уровня.

¹³ Уилсон пишет: «Совместная эволюция... предполагает нечто большее, чем то, что мы признаем как многоуровневую взаимосвязанность сложных экологических систем. На своей собственной эволюционной шкале биологические системы могут и будут изменять друг друга и самих себя, и они могут делать это на любом анатомическом, функциональном, или иерархическом уровне. Именно этот бесконечный, иногда быстрый, иногда затяжной процесс, в основе которого лежит рекурсивное формирование и моделирование органов, организмов и органических процессов, обозначается термином “коэволюция” [39, р. 169].»

Значение этой точки зрения нельзя недооценивать. По существу, Уилсон утверждает, что рука, мозг и язык тесно связаны, при этом первостепенную роль играет рука. Другими словами, способности мозга были определены потребностями рук. Человеческий “интеллект”, таким образом, относится к набору познавательных способностей, которые развивались в ответ на комбинацию: а) конкретных условий, в которых жили ранние люди; б) их успешного ответа на вызовы этой окружающей среды, и, в частности, в) способности рук, которую развили люди (способность производить и использовать все более сложные инструменты), что повышало вероятность их выживания. С этой точки зрения, в основе всех сложных когнитивных операций человека лежит “логика руки”. Следовательно, с “логикой руки” тем или иным образом связаны все продукты человеческого интеллекта: технология, культура, искусство и т.д.

Для целей нашего исследования тезис Уилсона интересен благодаря двум важным выводам. Во-первых, это объясняет, почему в дискуссиях об “интеллекте” у не-людей такой упор делается на “язык”. Это значит, что теория Уилсона объясняет нам, с точки зрения палеонтологии, почему в философских дискуссиях о возможном наличии интеллекта у не-людей преобладают рассуждения о языке и лингвистических способностях последних. (Это именно то, что мы наблюдали выше в случае С. Уайза и А. Макинтайра). Уилсон утверждает: “Связь языка и культуры настолько глубоко вплетена в человеческую историю и является такой влиятельной силой в нашем собственном личном развитии и аккультурации, что мы вполне естественно стали считать язык признаком того, что объясняет и определяет наш интеллект” [Ibid., p. 37] (курсив мой).

Эту общую идею подтверждает специалист по мозгу Р. Орнштейн: “Разум есть то, чем он является, потому что мир есть то, чем он является. Эволюционировавшие системы организуют разум для упорядочивания мира” [28, p. 11]. Уилсон подчеркивает ключевую роль биологического инструмента, посредством которого обусловлен этот ответ. *Человеческий разум* развивался в ответ на конкретные экологические условия и императивы выживания. Наш мозг отвечал на это тем способом, который мы наблюдаем, благодаря нашей природе сухопутных млекопитающих, обладающих руками. *Разум дельфина*, однако, развивался в ответ на крайне отличные эволюционные вызовы океана. Их ответ был обусловлен биологическим инструментом другого рода — телом, которое эволюционировало в соответствии с требованиями гидродинамики настолько, насколько это было возможно. Их мозг отвечал на это тем способом, который мы наблюдаем, в соответствии с их природой морских млекопитающих.

Однако более важным следствием идеи Уилсона является предположение, касающееся не-людей, таких как дельфины, имеющих большой мозг, но лишенных рук. Если картина динамики, двигавшей эволюцией большого мозга, нарисованная

Уилсоном и Орнштейном, верна, то идея о том, что “интеллект дельфина” и “человеческий интеллект” значительно отличаются, крайне правдоподобна. Действительно, учитывая огромные различия в условиях, в которых эволюционировали два этих вида, и в вызовах, с которыми они сталкивались, трудно поверить, что они могут быть одинаковыми. Такое предположение выглядело бы наивным отрицанием фундаментальных сил, которые определяют мир природы и, в частности, развитие головного мозга. Нужно спрашивать не “Различается ли интеллект человека и дельфина?”, а “Каким же образом они могли быть одинаковыми?”.

Тела древних дельфинов приспособлялись к окружающей среде, приобретая черты, которые повышали вероятность выживания. Предположительно мозг дельфинов реагировал соответственно этой адаптации. Если здесь и есть отпечаток “неврологической грамматики” как следствия совместной эволюции мозга дельфина и важнейших особенностей его тела, в основе этой грамматики явно лежит не “логика руки”. Здесь мы можем только догадываться о логике эволюции мозга дельфина, но кажется практически очевидным, что эта логика приведет нас к “интеллекту”, сильно отличному от того, что мы находим у человека.

Антропоцентристские последствия слабого понимания науки

Таким образом, мы видим, что традиционные дискуссии о когнитивных способностях дельфинов, как они представлены у Уайза и Макинтайра, непреднамеренно антропоцентричны и, следовательно, не могут привести к верным выводам. Согласно их рассуждениям, дельфины, что понятно, хоть и достойны сожаления, выглядят менее заслуживающими морального статуса, чем выглядели бы в результате непредвзятого анализа фактов¹⁴. В результате Уайз и Макинтайр становятся невольными защитниками человеческих практик (причинения смерти, нанесения травм, притеснения и содержания дельфинов в неволе, связанных с рыболовством и индустрией развлечений), которые, по сути, носят крайне неэтичный характер.

Заключение: Ключевые причины проявлений антропоцентризма в дискуссии о дельфинах

В этой работе я попытался показать, что две важные дискуссии о познавательных способностях дельфинов носят непреднамеренно антропоцентричный характер. Этическими последствиями подобных некорректных дискуссий становится возможность оправдания определенных практик, которые при непредвзятом подходе посчитали бы неэтичными. К сожалению, причина слабости рассуждений Уайза и Макинтайра —

¹⁴ Я попытался провести подобный объективный анализ в [38].

это недостаточное знакомство с соответствующими научными исследованиями. Оба базируют свои аргументы на относительно небольшом объеме научной литературы о дельфинах. По собственному признанию Макинтайра, его основным источником информации о дельфинах была единственная антология из двадцати научных трудов [21, р. 21]. Уйаз ознакомился с более широким кругом работ, но их также недостаточно для того, чтобы формировать суждения о познавательных способностях дельфинов [40, р. 278–286]. Уйаз также сосредоточил внимание почти исключительно на работе Л. Германа, посвященной двум афалинам, содержащимся в неволе. В более широком смысле ни один из двух авторов не демонстрирует знания философских (и, в частности, этических) последствий процесса эволюции и механизма адаптации. Кроме того, ни у кого из них нет какого-либо опыта полевой работы¹⁵.

В отличие от них, я занялся исследованием этических проблем взаимодействия человека и дельфина еще в 1988 году и с тех пор интенсивно изучал наиболее доступные исследования анатомии и физиологии дельфинов, их структуры мозга, когнитивных и эмоциональных способностей, социального интеллекта и социального поведения. Кроме того, с 1990 года я занимался наблюдением и участвовал в полевых работах, связанных с проводившимися Д. Херцинг исследованиями сообщества диких атлантических пятнистых дельфинов, обитающих в районе Багамских островов¹⁶.

На основании своего опыта я считаю, что делать философские выводы в отношении каких-либо не-человеческих видов на основании 1) лишь небольшой доли соответствующей естественнонаучной литературы и 2) без опыта полевой работы не более приемлемо, чем основывать суждения о Платоне на чтении исключительно резюме нескольких диалогов или на чтении диалогов в переводе. На самом деле, полевая работа имеет столь важное значение для прикладной экологической этики, что ее следует рассматривать как важное требование для подобного исследования так же, как и знание греческого языка необходимо для изучения древней философии¹⁷.

Как я уже говорил, слабое естественнонаучное основание в рассуждениях Уйаза и Макинтайра приводит нас не просто к неполным или неубедительным аргументам. Это приводит к категорически неправильным позициям, которые носят непреднамеренно антропоцентричный характер. Я надеюсь, что эта статья хотя бы в небольшой степени поможет скорректировать ошибочные рассуждения и побудит специалистов по практической этике, занимающихся проблемами этики окружающей среды в целом, и, в частности, этикой не-людей, основывать свои философские исследования на более убедительной естественнонаучной основе, нежели это обычно происходит.

¹⁵ Самый свежий пример такого рода ошибки, вызванной недостаточным знакомством с естественнонаучными исследованиями, — замечание о дельфинах М. Нуссбаум [27 р. 229]. Рассуждая о способности не-человеческих животных узнавать себя в зеркале (важный показатель самосознания), она пишет: “До сих пор этот уровень сложности был обнаружен только у обезьян и человека, хотя есть и один неоднозначный эксперимент с дельфинами”. В то же время работа К. Мартена, Л. Марино и Д. Райсс убедительно показывает наличие у дельфинов способности узнавать себя в зеркале. См.: [23; 24; 25; 32].

¹⁶ Исследовательская организация Херцинг, основанная в Юпитере, штат Флорида, носит название “Проект по исследованию диких дельфинов”. В 1995 году меня пригласили стать научным консультантом проекта. Чтобы познакомиться с наблюдениями Херцинг о ее первых 25 годах изучения этого сообщества дельфинов, см.: [17].

¹⁷ Перечисление всех ошибок и упущений, к которым может привести неполное понимание научной литературы о дельфинах и/или отсутствие опыта полевой работы, выходит за рамки данной работы. В этой статье я попытался лишь показать, что недостаточное понимание значения адаптации может привести к формированию неправильного убеждения, будто интеллект будет одинаково проявляться

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

Литература

1. Animal Social Complexity: Intelligence, Culture and Individualized Societies / Ed. by F. B. Wall, and P. L. Tyack. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
2. Comparative Cognition: Experimental Explorations of Animal Intelligence / Ed. by E.A Wasserman and T. R. Zentall. Oxford: Oxford University Press, 2009.
3. *Cavalieri P.* The Animal Question: Why Nonhuman Animals Deserve Human Rights. New York: Oxford University Press, 2001
4. *Dunbar R.* Grooming, Gossip, and the Evolution of Language. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
5. *Gardner H.* Intelligence Reframed. New York: Basic Books, 1999.
6. *Gory J.D. and Kuczaj S.A. II.* Can Bottlenose Dolphins Plan their Behavior? Paper presented at the Biennial Conference on the Biology of Marine Mammals. Wailea, Maui, Hawaii, 1999.
7. *Griffin D.* Animal Minds. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
8. *Griffin D.* Animal Thinking. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
9. *Griffin D.* The Question of Animal Awareness: Evolutionary Continuity of Mental Experience. NY: The Rockefeller University Press, 1976.
10. *Herman L.M.* Cognition and Language Competencies of Bottlenosed Dolphins // Dolphin Cognition and Behavior: A Behavioral Approach / Ed. by R. J. Schusterman, J. A. Thomas & F. G. Wood. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1984. P. 221–252.
11. *Herman L.M.* Interview with Lou Herman // *Omni*, 1989 (June). P. 86.
12. *Herman L.M., Kuczaj S.A. II and Holder M.D.* Responses to Anomalous Gestural Sequences by a Language-trained Dolphin: Evidence for Processing of Semantic Relations and Syntactic Information // *Journal of Experimental Psychology: General*, 1993. Vol. 122 No. 2. P. 186.
13. *Herman L.M., Pack A.A., Morrel-Samuels P.* Representational and Conceptual Skills of Dolphins // *Language and Communication: Comparative Perspectives* / Ed. by H. L. Roitblat, L. M. Herman & P. E. Nachtigall. Hillsdale: Erlbaum Associates, 1993. P. 403–442.
14. *Herman L.M., Richards D.G. & Wolz J. P.* (1984). Comprehension of Sentences by Bottlenosed Dolphins // *Cognition*, 1984. Vol. 16. P. 129–219.
15. *Herman L.M. and Uyeyama R.K.* 1999. The Dolphin's Grammatical Competency: Comments on Kako (1999) // *Animal Learning & Behavior*, 1999. Vol. 27. No.1. P. 18–23.
16. *Herzing D.L.* A Trail of Grief. // *The Smile of a Dolphin* / Ed. by M. Bekoff. NY: Discovery Books, 2000. P. 138–139.
17. *Herzing, D.L.* Dolphin Diaries: My 25 Years with Spotted Dolphins in the Bahamas. NY: St. Martin's Press, 2000.
18. In Defense of Animals: The Second Wave / Ed. by P. Singer. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.
19. *Kato E.* Elements of Syntax in the Systems of Three Language-Trained Animals // *Animal Learning & Behavior*, 1999. Vol. 27. No. 1. Pp. 1–14.
20. *Kuczaj S.A. II and Thames R.S.* How do dolphins solve problems? // *Comparative Cognition: Experimental Explorations of Animal Intelligence* / Ed. by E. A. Wasserman & T. R. Zentall. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 580–602.
21. *MacIntyre A.* Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues. Carus: Open Court Publishing, 1999.
22. *Marino L.* Convergence of Complex Cognitive Abilities in Cetaceans and Primates // *Brain, Behavior and Evolution*, 2002. Vol. 59. P. 21–32.

у всех видов, а также к чрезмерному акценту на важности человеческого языка как стандарта и критерия для определения высокого уровня интеллекта и морального статуса. Среди других проблем можно назвать тот факт, что понять природу социального интеллекта дельфинов невозможно без изучения их социального поведения в дикой природе. Аналогичным образом, неспособность понять различия структур мозга человека и дельфинов может привести к искажению философского значения некоторых научных измерений (таких, как энцефализация частей мозга человека и дельфина).

23. Marino L., Reiss D., Gallup G. Mirror Self-recognition in Bottlenose Dolphins: Implications for Comparative Study of Highly Dissimilar Species // Self-Awareness in Animals and Humans: Developmental Perspectives. NY: Cambridge University Press, 1995. P. 380–391.
24. Marten K., Psarakos S. Evidence of Self-Awareness in the Bottlenose Dolphin (*Tursiops truncatus*) // Self-Awareness in Animals and Humans: Developmental Perspectives / Ed. by S. T. Parker, R. W. Mitchell & M. L. Boccia. New York: Cambridge University Press. 1995. P. 361–379.
25. Marten K., Psarakos S. Using Self-View Television to Distinguish between Self-Examination and Social Behavior in the Bottlenose Dolphin (*Tursiops truncatus*) // Consciousness and Cognition, 1995. June. Vol. 4. No. 2 P. 205–224.
26. Nussbaum M.C. Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
27. Nussbaum M.C. The Capabilities Approach and Animal Entitlements // The Oxford Handbook of Animal Ethics / Ed. By T. L. Beauchamp & R. G. Frey. Oxford: Oxford University Press. P. 228–251.
28. Ornstein R. The Evolution of Consciousness: The Origins of the Way We Think. New York: Simon & Schuster, 1991.
29. Regan T. The Case for Animal Rights. Berkeley: University of California Press, 1983.
30. Reiss D. The Dolphin: An Alien Intelligence // First Contact: The Search for Extraterrestrial Intelligence / Ed. By B. Bova & B. Preiss. P. 31–40. NY: NAL Books, 1990.
31. Reiss D. The Dolphin in the Mirror: Exploring Dolphin Minds and Saving Dolphin Lives. NY: Houghton Mifflin Harcourt, 2011.
32. Reiss D. and Marino L. Mirror Self-Recognition in the Bottlenose Dolphin: A Case of Cognitive Convergence // Proceedings of the National Academy of Science, 2001. Vol. 98. No. 10. P. 5937–5942.
33. Rowlands M. Animal Rights: Moral Theory and Practice, second edition. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
34. Singer P. Animal Liberation. New York: New York Review Books. 1975.
35. Taylor C. Language and Human Nature // Taylor C. Human Agency and Language: Philosophical Papers I. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 213–224.
36. Taylor C. Theories of Meaning. Taylor C. Human Agency and Language: Philosophical Papers I. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 248–292.
37. The Oxford Handbook of Animal Ethics / Ed. by Beauchamp T. L. & Frey R. G. Oxford: Oxford University Press. 2011.
38. White T.I. In Defense of Dolphins: The New Moral Frontier. Oxford: Blackwell Publishing, 2007.
39. Wilson F. The Hand: How Its Use Shapes the Brain, Language and Human Culture. NY: Random House, 1998.
40. Wise S.M. Drawing the Line: Science and the Case for Animal Rights. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002.
41. Wise S.M. Rattling the Cage: Toward Legal Rights for Animals. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2000.
42. Wursig B. The Question of Animal Awareness Approached Through Studies in Nature // Cetus, 1983. Vol. 5 No. 1. P. 4–7.